

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21—23 июня 2012 г.

Создание надежного будущего

ГЛОБАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СТОЛИЦЫ: НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ

РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ

Панельная дискуссия

22 июня 2012 г. — 14:45—16:00, СТАРБАР

Санкт-Петербург, Россия

2012 г.

Модератор:

Олег Хархордин, Ректор, НОУ ВПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Выступающие:

Ирина Антонова, Директор, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

Валерий Гергиев, Художественный руководитель, директор, Государственный академический Мариинский театр; учредитель благотворительного фонда «Фонд Валерия Гергиева»

Сергей Капков, Руководитель Департамента культуры города Москвы

Алексей Кудрин, Декан, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Висенте Гонсалес Лоссерталес, Генеральный секретарь, Международное бюро выставок

Владимир Мединский, Министр культуры Российской Федерации

Михаил Пиотровский, Генеральный директор, Государственный Эрмитаж

Михаил Прохоров, Учредитель, ООО «Группа Онэксим»; учредитель благотворительного фонда культурных инициатив «Фонд Михаила Прохорова»

Александр Сокуров, Режиссер, победитель Венецианского фестиваля в 2011 г.

О. Хархордин:

Добрый день, дамы и господа!

Мы открываем сессию по глобальным культурным столицам. У нас еще два свободных стула, потому что сюда придут бывший министр финансов Алексей Кудрин и нынешний министр культуры Владимир Мединский. Мы начнем, не дожидаясь их, поскольку у нас очень мало времени и очень много панелистов. Обсуждение интересующих нас вопросов может занять часы, дни и стать темой протяженной конференции. Продолжительность нашей дискуссии час пятнадцать минут, поэтому каждый из участников будет иметь только пять минут на выступление.

Структура панели будет следующая. Хочу сначала задать вопрос министру культуры, учитывая наши временные рамки: должны ли мы поменять наш предварительный замысел, который сводился к тому, что первыми выступают деятели культуры, потом представители бизнеса и власти, а потом наш иностранный гость, который, правда, еще не подошел?

Владимир Ростиславович, Вы не возражаете, если сначала выступит Пиотровский, а потом Вы?

В. Мединский:

Ничего менять не нужно: делайте, как Вы решили.

О. Хархордин:

Хорошо, спасибо. Мы начинаем с выступления директора Государственного Эрмитажа Михаила Пиотровского.

Хочу задать ему следующий вопрос. Мы понимаем, что есть два абсолютных лидера культурного производства, если рассматривать российские города. В Петербурге есть музей общеевропейского или мирового масштаба — это, естественно, Эрмитаж; есть театр общеевропейского масштаба — это Мариинка; наш университет называется Европейским университетом в Санкт-

Петербурге, мы претендуем на общеевропейский уровень производства гуманитарного знания.

Могут ли другие города России претендовать на роль глобальной культурной столицы? Действительно ли Москва и Петербург достигают уровня глобальных культурных столиц? Михаил Борисович, каково Ваше мнение?

М. Пиотровский:

Хочу сказать о философии, практике нашего города, продолжая Ваш вопрос. Думаю, что столица в стране одна, и двух не бывает. Если говорить о культурных столицах как о метафоре, то их в мире много. Такой подход мне нравится: всеобъемлющий разговор о глобальных культурных столицах, об их ролях, их сравнении, о расширении и сужении их списка. Каждый город должен стараться быть глобальной культурной столицей в определенном направлении. На самом деле происходят и конкуренция, и сравнение. По одним критериям к глобальным столицам можно отнести немного городов: Лондон, Париж, Нью-Йорк; если оценивать по другим критериям, таких городов очень много.

Каждый город, каждое учреждение должны стремиться существовать в глобальном мире: это моя позиция, позиция Эрмитажа. Мы реализуем проект «Большой Эрмитаж», который определяет способы и формы присутствия в окружающем Эрмитаж мире, от нового здания до Интернета. Существует необходимость сравнивать и позиционировать себя. Каждый город и каждое культурное учреждение находят свои ниши, применяя такой подход. Мне кажется, что мировым музеям удастся так действовать: они осуществляют распространение культурной радиации в мир.

После философских отступлений хочу вернуться к разговору о нашем городе. Мы будем говорить об историческом центре, о позиционировании Санкт-Петербурга как культурной столицы. Темами дискуссии станут структура городского центра и другие аспекты функционирования города. Мы много говорим об этом с болью, функции должны формироваться.

Моя любимая тема — это Дворцовая площадь, место для парадов и прогулок, прогулок в том хорошем красивом смысле, как в Париже 19 века. Рядом с площадью идет формирование подобию Петергофа: дворцы, сады, какими они были в петровскую эпоху. Это создает уникальную схему. Это сцена, на которой культурная деятельность может и должна идти, развиваться и привлекать мир.

Еще один, возможно, неожиданный больной вопрос, который связан с нашей культурной составляющей: Петербург всегда был городом военной культуры. Очень давно я спросил у моего батюшки, помнит ли он, чем отличались Москва от Петербурга и Петербург от Москвы в его детстве. Он говорил: «Я помню, когда я был ребенком, в Москве вокруг были церкви, а в Петербурге кругом офицеры, военные». Мы теряем этот элемент. Наша армия — хорошая, боеспособная, но элемент присутствия военных как части культуры города, как части городского пейзажа уходит на наших глазах. Полагаю, это один из предметов нашего внимания, формирующий глобальные особенности культурной столицы, какой может быть — именно может быть — Петербург. Думаю, мы всегда должны считать, что мы можем быть. Как только мы начнем говорить: «Мы культурные, самые культурные», — на этом все закончится. «Мы можем быть» — время в развитии, позволяющее двигаться вперед. Я представил Вам несколько соображений для начала разговора, некоторые из которых, возможно, являются провокационными.

О. Хархордин:

Военная культура — очень интересный тезис. Британцы помогают нам поддерживать эту традицию: четвертого июля они привозят очередной военный корабль. Это попытка показать, что общение на уровне военных также важно для особого статуса города. По-моему, британское консульство — единственное, которое приглашает офицеров на свои ежегодные праздники. Теперь хочу попросить рассказать о культурном производстве человека, который работает сразу в трех глобальных культурных столицах: в

Петербурге, в Лондоне и в Нью-Йорке — Валерия Гергиева. Как Вы думаете, есть ли особенности культурного производства, которые выделяют Петербург по сравнению с теми городами, в которых Вам приходится проводить много времени и которые тоже фонтанируют культурой?

В. Гергиев:

Мне кажется, Петербург остается одной из культурных столиц Европы и, безусловно, России. Иногда значение культурной столицы связывают с количеством шампанского, которое выпьют после культурной акции, с количеством икры, которую съедят... Петербург может сохранить свою уникальность и не соревноваться ни с Москвой, ни с Лондоном, ни с Нью-Йорком. В Нью-Йорке любят говорить так: Вашингтон — столица Соединенных Штатов Америки, а Нью-Йорк — столица мира. При этом говорят о культурной мощи, а не только о том, что Нью-Йорк — финансовый центр.

Санкт-Петербург должен со спокойствием смотреть на преимущества, которые есть у Москвы: денег больше в Москве. В последнее время мы слышим, что в Петербурге опять стало гораздо меньше денег: это связывают с приходом нынешнего губернатора или уходом бывшего губернатора. Полагаю, это не самое главное. Мы имеем уникальные преимущества, многие из которых уже были упомянуты здесь. Мой товарищ Александр Сокуров создает в Петербурге кино мирового класса, здесь находится великий музей Эрмитаж, у нас есть много других хороших музеев, у нас есть Мариинский театр, и не только он один, в нашем городе осуществляет свою деятельность музыкальный вуз, который дал миру Чайковского, в котором преподавал Римский-Корсаков, учились Стравинский, Шостакович и Прокофьев. Перечислением нашего достояния ваше внимание можно занимать очень долго.

Хочу высказать одно пожелание, общий тезис моего появления здесь. Я только что участвовал в разговоре о благотворительности, сейчас с большим удовольствием включаюсь в эту беседу. Я часто проезжаю по набережной,

многое мне очень нравится. Одно явление раздражает меня постоянно, и мне кажется, что оно гораздо опаснее потенциального проекта, который уже не будет существовать, — я имею в виду башню «Газпрома». Телебашня присутствует в нашей жизни каждый день, она сверкает, как елка, но гораздо менее красива, чем любая елка. Проезжая мимо Петропавловской крепости, мы могли бы наблюдать изумительный вид, символ Петербурга. В действительности мы видим, прежде всего, агрессивно подсвеченную телебашню. Не знаю, кому это пришло в голову. Мы, люди весьма опытные и известные, имеющие возможность говорить, находим это незаметным или неважным, всегда есть что-то более важное, происходящее сегодня. Мне кажется, в борьбе за Петербург нужно побороться и с этим явлением. Кому-то из чиновников пришло в голову: «Давайте подсветим, чтобы нас видели». Это портит прекрасный вид каждый день.

Еще один тезис. У нас есть потрясающая возможность сделать жизнь каждого школьника уже в первые годы обогащенной настолько, что он сможет попасть в Эрмитаж в возрасте семи, восьми, десяти лет. Не нужно ждать 17 лет, когда необходимо готовиться к поступлению, и у него будет возможность пригласить девушку в Эрмитаж на 20 минут. Школьник может открыть для себя балет «Щелкунчик». У каждого когда-то будет или был первый «Щелкунчик», самый первый, понимаете? Вот эти возможности и делают Петербург по-настоящему культурной столицей мирового значения.

Я, действительно, сотни раз выступал и в Нью-Йорке, и в Лондоне, я возглавляю коллективы в этих городах и очень много там сделал. Мне нравится очень многое в этих столицах, но как только мы постараемся функционировать, как Нью-Йорк, мы проиграем, потому что в этой шеренге мы не будем первыми. Санкт-Петербург станет явным культурным лидером, опираясь на свою гордость, на свою великолепную, фантастическую культурную историю. Мы постараемся сделать для этого все возможное.

О. Хархордин:

Спасибо! Я понял, что добавлен новый социологический критерий особенного города. Я всегда думал, что люди помнят свой первый поцелуй; теперь я понял, что они будут помнить свой первый «Щелкунчик». Хорошо.

Александр Николаевич Сокуров, Вы являетесь очевидным примером деятеля культуры европейского уровня. Я не буду говорить про череду фильмов и все полученные Вами призы. Нам гораздо интереснее сегодня послушать Ваши мысли по поводу Петербурга как культурной столицы. Затем мы перейдем от выступлений петербуржцев к выступлениям москвичей.

А. Сокуров:

Спасибо. Для меня большая честь быть среди моих блестящих соотечественников и нашего иностранного гостя.

Я воспользуюсь присутствием министра культуры и скажу, что мы ждем его на киностудии «Ленфильм». У нас много проблем, у нас критическое состояние. Мы передали наш план преобразования студии в министерство, ждем реакции. Мы обратились к Президенту с просьбой как-то завершить решение проблемы. Очень надеемся, что развитие студии будет продолжено. Большая студия национального масштаба, с национальной программой — это одна из особенностей нашего города. Сейчас кинопроизводство остановлено: предыдущее руководство Министерства культуры определило выделение денег на следующий проект, а сейчас финансирование не ведется, документы не подписаны. Прошу Вас, будьте любезны, помогите нам.

Что же касается темы нашего разговора, то у меня вызывает большую тревогу термин «глобализация». Мы знаем, что решительный протест против тенденции глобализации растет в общественном сознании во всем мире. В бизнесе, в экономике, в финансах эта тенденция, возможно, имеет положительную сторону, хотя я сомневаюсь в этом. Но в сфере культуры глобализация несет напряженность и очень серьезные проблемы, она приводит к стремлению создавать единое, одноё, вбщее. Между тем,

достоинство человечества и ценность нашей жизни — в разнообразии и защищенности культур. На мой взгляд, это очень большая проблема.

Большая художественная культура, значительные известные мировые коллективы в достаточной степени защищены от отрицательных сторон глобализации, которые несут с собой столицы. Уважаемый маэстро Гергиев, сидящий здесь, сам по себе — уникальная и удивительная фигура. Он работает на развитие полифонии культуры, на сохранение классической культуры. Мы знаем, как сильно влияние массовой культуры больших столиц: и Нью-Йорка, и Лондона, и Парижа, и, к сожалению, Москвы. Существование культурной столицы как феномена чрезвычайно опасно, на мой взгляд, для развития национальной культуры в принципе.

Опять обращаюсь к опыту маэстро Гергиева. Он не только работает за пределами страны, не только возвеличивает нашу культуру, наше искусство на территории наших суперстолиц — Москвы и Петербурга, но и заботится о развитии культуры своей малой родины, Северной Осетии. Классическая культура нашей великой Родины не развивается на территории Северного Кавказа нигде, кроме родины Гергиева. Мы все знаем, что больше нигде. Я отправил своих студентов на закрытие фестиваля 25-го июня, чтобы они посмотрели, послушали живой оркестр и живых исполнителей.

Глобализация и значение столицы имеют мировую тенденцию, сложную, противоречивую природу. Роль столиц в развитии национальной культуры тоже не столь положительна, как нам может показаться. Современное общество, современное российское государство слабы, они имеют неразвитую бюрократическую культуру, раздираются политическими противоречиями, разнообразными партийными кризисами. Это выражается в концентрации власти и в концентрации жизни в супергородах. Нам не хватает энергии, нам не хватает средств, чтобы делать культуру. Культура — главная цель существования любого государства и, на мой взгляд, главное, что есть в жизни народа. Ни оборона, ни промышленность, ни политика — ничто не имеет такого значения, как культура. Вся культура, все ее мощности, все

экономические интересы культуры нашей страны сосредоточены в одном или двух городах.

Мы прекрасно знаем, что происходит в огромной, большой Российской Империи сегодня. Значительная часть городов и региональных столиц пребывает в культурном нищенстве. Огромные средства выделялись для расширения влияния культуры раньше, в условиях другого общественного строя. Крупные, известные театры больших городов гастролировали по территории всей страны — от Дальнего Востока до Северного Кавказа и северных территорий России. Гастролей сейчас нет, Министерство культуры не имеет возможности их поддерживать. Все сжимается сегодня до энергии двух больших столиц, а это скверно, плохо, вредно, опасно. Нет ничего опаснее для культуры, чем такая концентрация и централизация. Это крайне опасный, на мой взгляд, момент.

О. Хархордин:

Спасибо большое. После концентрированного выражения петербургской позиции — глобальной петербургской позиции, как я понял — мы переходим...

А. Сокуров:

Нет, это индивидуальная, личная позиция — простите ради Бога.

О. Хархордин:

Ваша, конечно.

Давайте обратимся к выступлениям представителей Москвы. Хочу передать слово Ирине Александровне Антоновой.

И. Антонова:

Я хотела бы присоединиться к тем, кто считает недостаточно продуктивным разделение на столичные, самые главные, глобальные и прочие города. Думаю, что мировыми центрами культуры являются, скажем, Зальцбург, в

котором проходят музыкальные фестивали мирового уровня, или Байройт — организатор Вагнеровского фестиваля, или Венеция, биеннале в которой стала самым известным форумом искусства. События музыкальной жизни или сферы пластического искусства становятся отправной точкой для достижения городом культурных высот. Мне кажется, разговор о том, кто главнее, не является полезным.

Гораздо важнее другое. Города обладают разными ресурсами, и, я думаю, что ресурс Петербурга нельзя ни с чем сравнить. Достаточно упомянуть Эрмитаж — главный музей страны, один из первых музеев мира. Мы находимся на том этапе формирования музеев, когда музей такого уровня нельзя построить в России, найти ресурсы для такого строительства больше невозможно.

Дело не в том, чтобы превзойти друг друга, а в самой деятельности: необходимо сосредоточиться на ней. Большое значение имеют личные усилия творческих людей, которые ведут то или иное направление.

В Москве есть место, которое называется «Винзавод». Группа галерей, которые показывают современное искусство, возникла на пустом месте. Деятельность каждой из этих галерей по отдельности, может быть, и была бы иногда интересна, но не стала бы событием. Нечто особенное началось, когда они оказались вместе, создали центр, где показываются самые разные явления современного искусства. Зарубежные деятели искусства стали стремиться туда. Приезжая в Москву, иностранцы говорят: «Где у вас "Винзавод"?» Они хотят пойти туда и посмотреть, как в одном месте сосредоточены направления современного искусства, представлены разные тенденции: хорошие или дурные — это другой вопрос. Как правило, явления великого искусства там отсутствуют. Культурная притягательность существует там как явление, а это главное.

То же самое касается музеев, которые не обладают великими ресурсами, но делают программы и проекты, основанные даже не на самом значительном материале, которые оказываются очень интересны. Я могу привести примеры выставок, которые интересны не тем, что показывают самые великие

произведения искусства, а тем, как они сумели найти известный момент в определенное время, почувствовать востребованность в том или ином материале.

Такой выставкой стала «Москва — Париж», на которой были показаны авангардные явления России и Франции первых 30 лет 20 века. Эта выставка имела невероятную посещаемость и ошеломляющий успех. Произведения художников русского авангарда были открыты на ней в нужный момент, выставка дала возможность ознакомиться с этим материалом. На выставку шли смотреть не французское, а в первую очередь отечественное искусство, приходили по многу раз.

Я невольно обращаюсь к опыту нашего музея. Выставка «Москва — Берлин» совершенно по-новому осветила работу деятелей искусства Германии и России первых 50 лет 20 века, на этой выставке было сделано открытие.

Для деятелей культуры важны активность, концепция, нахождение того, что нужно сейчас. Я бы сказала, умение хорошо слышать свое время и ощущать необходимость в будущем — это главное, что необходимо для привлечения внимания к музею, театру или другому институту культуры.

Нужно находить новые формы работы, которые ищут даже крупные музеи, музеи-«левиафаны»: Метрополитен, Лувр, Эрмитаж, Британский музей. Многофункциональность, обращение ко многим направлениям возможной деятельности музея сейчас востребованы и необходимы. Музей изобразительного искусства сейчас не должен представлять только пластические искусства.

Опять вернусь к опыту ГМИИ. Музыкальный фестиваль «Декабрьские вечера» существует 31 год. Концерты в музее организуются всеми музеями мира, но наш фестиваль имеет отличия. Мы обязательно разрабатываем общую программу, к фестивалю готовится специальная выставка, составляется специальная музыкальная программа. Мы ищем созвучие разных видов искусства, предоставляя возможности и тем, кто лучше слышит, и тем, кто лучше видит, сопоставив свои впечатления, продвинувшись в понимании

искусства. Это событие имеет большой международный интерес. Исаак Стерн, Бах, Чечилия Бартоли, Цуккерман и другие известнейшие музыканты мира участвуют в этом фестивале вот уже 31 год, находя в этом интерес.

В жизни музеев есть другие моменты, позволяющие находить новые формы в использовании музейных материалов: например, раскрытие темы диалогов в пространстве культуры. Мы делали выставки, на которых дипилонские вазы соседствовали с Эйфелевой башней, а, предположим, римский портрет — с работами Микеланджело. Такие диалоги возбуждают интерес публики, поворачивают ее воображение на восприятие.

Проблема ресурсов, которые очень трудно восполняются, стоит сейчас перед музеями. Как наполнять музеи шедеврами? В наше время это невозможно. Можно купить одну картину, но это приобретение ничего не решит. Использование имеющегося материала в различных сочетаниях — это один из путей не к глобальности, не к первенству, не к столичности, к улучшению имиджа города, музея или театра. Это просто одно из направлений.

О. Хархордин:

Мы переходим от представителей культуры к представителям бизнеса и власти. Я подумал, что логичным продолжением станет выступление Сергея Капкова, который пытается бороться с тем, что Москву относят к мировым финансовым центрам.

С. Капков:

Если не удастся быть мировым финансовым центром, то мы стараемся стать культурным центром.

О. Хархордин:

Расскажите нам, пожалуйста, об этом.

С. Капков:

Мне кажется, чтобы быть интересными в глобальном мире, необходимо глубже понимать свою идентичность. Нам не нужна конкуренция с другими глобальными городами. Благодаря нашим предкам, музейным коллекциям, великой музыкальной школе у нас есть базис, на который мы должны опираться.

Думаю, глобальные города — это города, живущие двойной жизнью. Не бывает так: в городе жителям неинтересно, а мировому сообществу или мировому потребителю там интересно. Задача — в том, чтобы сначала сделать город интересным для его жителей в культурном плане. Они — основные потребители, люди, создающие смысл, потому что город — это не только место, где живут люди, но и то место, где живут смыслы, где формируются и формулируются смыслы.

Место, которое занимает город в пространстве культурных обменов, также важно. Мы должны признать, что маэстро Гергиев выиграл мировую конкуренцию за право руководить оркестрами и коллективами, когда маэстро Гергиева приглашают в Нью-Йорк или в Лондон. Осуществляется экспорт смысла в эти два великих культурных города, поскольку там он был потерян. Внутренние смыслы не менее важны, чем внешние смыслы, которые мы можем предназначать для экспорта, — начиная с классики, заканчивая современным искусством.

Рассмотрим статистику количества культурных учреждений: в Лондоне 162 музея, а в Москве больше 300. Вопросы заключаются в качестве этих музеев и в том, какие смыслы и какую идеологию формируют эти учреждения.

В Нью-Йорке 255 библиотек, только в Департаменте культуры Москвы 446 библиотек, а есть еще федеральные библиотеки, дополнительные библиотеки во всех общеобразовательных школах. Вопрос в том, как эти библиотеки взаимодействуют с обществом, имеют ли они какой-то интересный контент, являются ли окнами в мир, в мировой прогресс, в мировую глобальную паутину.

Поэтому если отчитываться советской статистикой, то, слава Богу, у нас всего много. Можем ли мы выдавать содержательные смыслы не только для наших жителей, но и для всего мира — это, конечно, вопрос открытый. Наша задача — искать таких людей, как те, кто присутствует здесь. Полагаю, «Ленфильм» — не меньший пропагандист страны и не меньшая фабрика производства смысла, чем Московская консерватория. Тарковский легко вписывался в мировой культурный контекст, поэтому он признан мировым классиком.

Задача любого города — формировать и увеличивать количество людей, формирующих смыслы и требования как к городу, так и к внешнему миру.

Спасибо.

О. Хархордин:

Спасибо. Да, производство смыслов как основная миссия культуры подытоживает деятельность и великих музеев, и великих театров, и великих киностудий.

Хотелось бы узнать позицию людей, производящих реальные вещи, которые мы потребляем. Вопрос к Михаилу Прохорову. Я помню, что во время своей предвыборной кампании Вы говорили о глобальных культурных столицах как о части этой кампании. Поменялось ли Ваше мнение?

М. Прохоров:

Нет, конечно, за такой короткий период мнение не поменялось, а, наоборот, укрепилось. Общеизвестно, что глобальные города определяют основные тренды развития человечества. Если посмотреть на экономическую концепцию, мы живем в век глобальной экономики, и этот тренд поменять нельзя. Мне кажется, культура действует как раз в обратном направлении, в сторону локализации.

Именно поэтому десять лет назад мой фонд сформулировал концепцию развития локальной культуры в крупных российских городах. Два города, Москва и Санкт-Петербург, исторически стояли особняком, а вся остальная

страна жила по принципу слободы, как говорил академик Глазычев. Некоторое место обитания возникало вокруг производственной площадки. О качестве жизни с точки зрения проживания и культурного наследия в Советском Союзе не очень думали.

Обращусь к истории возникновения культурных пространств. Я выделил для себя три типа таких пространств. Первый тип — это греческие полисы, вольные города, культурное пространство вольных людей. Второй тип — это метрополии, которые забирали в себя и перемалывали провинции. Классический пример — Древний Рим, а в более позднее время — крупные монархии: так появились Париж, Лондон, некоторые другие города. И третий тип культурного пространства шел от ремесленных городов: можно вспомнить Франкфурт-на-Майне, Чикаго, Милан. Умное правительство города довольно сильно развивало культуру после того, как происходили изменения в экономике, и города приобретали новое содержание.

Сейчас есть два города, и битва за статус глобальных столиц, как бы мы ни называли это, очень важна. Необходимо быть в мировом тренде и определять современное развитие человечества. Для соответствия этому требованию есть несколько общих критериев: история города, коллективный интеллект, качество образования, восприимчивость к новым веяниям и умение генерировать новый культурный продукт.

Здесь сидят выдающиеся деятели культуры, которые своей работой создают абсолютно уникальный культурный продукт. Задача политики и бизнеса — создавать условия для того, чтобы этот великий культурный продукт мог достигать всех наших граждан и максимально далеко выходить за границу.

Если переходить к практике, то, мне кажется, необходимо в ближайшее время совершить два действия. Первое: нужно серьезным образом пересмотреть закон о благотворительности, значительно упростить его, стимулировать благотворительность различными способами. И второе. Думаю все работники культуры меня поддержат. Нужно срочно отменить Федеральные законы № 83-ФЗ и № 94-ФЗ. Невозможно бюджетировать уникальный культурный

продукт, а также выставлять его на тендер наряду с мебелью или обычными скрепками. Культурный продукт в рамки этих законов не вписывается. Если мы совместно это сделаем, развитие культуры с остаточного принципа перейдет к основному. Качество человеческого капитала определяется уровнем и возможностью нации производить идеи, которые захватывают мир. Мы имеем для этого всё.

Спасибо.

О. Хархордин:

Спасибо, Михаил. Аплодисменты в зале говорят о популярности Ваших инициатив. Не хлопал только бывший министр финансов Алексей Кудрин, которому я сейчас и передам слово.

Я задам Вам следующий вопрос. Алексей Кудрин — это политический деятель глобального масштаба, трудно его охарактеризовать как петербуржца или москвича, к вопросу об идентичности. Что Вы нам скажете про культурные столицы, смотря с этой глобальной перспективы?

А. Кудрин:

Спасибо. Я с удовольствием приму участие в разговоре, потому что я — житель двух городов. В душе я все-таки петербуржец, и мне приятно говорить о том, что у нас в стране две столицы, как бы противоречиво это ни звучало, и две культурные столицы, претендующие на участие в соревновании глобальных культурных столиц.

Я попытаюсь пояснить свою позицию относительно того, кто может быть культурной столицей. Посещая разные страны и города, я всегда стараюсь побывать в местных музеях или театрах, я посетил многие фестивали, о которых здесь говорилось. Прихожу к выводу, что не только базовые, созданные в прошлом музеи сегодня определяют культурную столицу. Они создают вокруг себя ореол, создают питательную среду. Определяющими являются те места, в которых производятся смыслы или новые ценности,

которые становятся достоянием сначала узкого круга эстетов, специалистов, а потом всех. Существует много мест, где идет поиск нового, необходимый эксперимент, где из огромного количества экспериментов что-то становится новым смыслом, новой парадигмой жизни. Есть города, в которых концентрация таких мест больше. Нью-Йорк, Лондон, Москва и Петербург могут быть городами, где создаются современное осмысление и современная культура.

Петербург и Москва имеют базу, которая должна это создавать, но нужно немного отойти от ведомственного подхода. Думаю, что главные источники производства культурных ценностей — это образование, подготовка, причастие тех людей, которые создают основы или традиции в образовании.

Рассмотрим создание iPhone. Это продукт конечной сборки производства множества малых инновационных предприятий: кто-то сделал инновационное открытие, потом его нашли, довели и воплотили в конечном продукте.

Для существования Мариинского театра с его блестящими результатами кто-то должен подготовить тех людей, которые придут в Мариинский, где их доучат. Культурный слой артистов, композиторов, дизайнеров, современных художников должен сохраняться, они должны приходить откуда-то, должны пройти этот конкурс. Мариинский — это конечная сборка.

Петербург имеет необходимую среду, Москва — в значительной степени тоже. Повторю, культурная столица должна выделяться именно этой современной средой, питающей и создающей базу для нового, а не только теми традициями или галереями старого искусства, которые были созданы в прошлом.

Вот что я хотел отметить в отношении культурных столиц. Готов ответить на вопросы. Я декан Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, стараюсь посвящать свое время этому. Спасибо.

О. Хархордин:

Наша панель не про науку, науку и образование мы будем обсуждать завтра, поэтому мнение Алексея Кудрина...

А. Кудрин:

Я согласен с необходимостью корректировки Федеральных законов 83-ФЗ и 94-ФЗ.

О. Хархордин:

Видите, какой важный результат.

А. Кудрин:

Нам необходимо договориться, как мы скорректируем эти законы.

О. Хархордин:

Хорошо. Как я понял выступавшего сейчас Алексея Кудрина, к нашим традиционным производствам нужно добавить новые. iPhone был представлен как модель того, что можно сделать в культуре. Получается, что смыслы нужно производить не такими большими кусками или традиционными, недифференцированными массами, а нужно нацелить их на массового потребителя, разливать смысл жизни по 50 граммов, сделать его доступным для каждого гражданина? Может быть, я додумываю?

А. Кудрин:

Вы знаете, культура — это не единичный продукт, говоря в широком смысле, культура — это признаки, черты общества. Если общество владеет ими, то это культурное общество, а если не владеет, то это две лаборатории специалистов. Я считаю, что настоящее классическое искусство — для всех.

О. Хархордин:

Спасибо. Следующий выступающий — Висенте Гонсалес Лоссерталес, генеральный секретарь Международного бюро выставок.

О. Хархордин:

Я перейду на английский язык, господин Лоссерталес, чтобы Вы смогли почувствовать, сколь уникальна ваша роль в сегодняшнем обсуждении.

Ваша роль действительно уникальна. Предполагалось, что в нашем обсуждении будут участвовать Йозеф Акерманн, бывший директор Deutsche Bank, а также глава Берлинских музеев, но они не смогли присоединиться к присутствующим знаменитостям, поэтому Вы представляете точку зрения со стороны. Вся внутренняя динамика, о которой сейчас шла речь, конечно, исходит из России, поэтому Вы сегодня — действительно человек «глобальный». Поделитесь с нами своим мнением в отношении обсуждавшихся вопросов.

В. Лоссерталес:

Слушая сегодняшнюю дискуссию между известнейшими лицами Москвы и Санкт-Петербурга, я спрашивал себя, что здесь делает человек из Севильи, вроде меня. Но мы говорим о культуре и о городах, а это универсальный феномен, который распространяется на всех нас, делает всех нас одной семьей.

Я здесь — в роли генерального секретаря организации, которая занимается мировыми выставками. Мировые выставки, как вы знаете, имеют очень богатую историю и представляют собой события, изменившие лица наших городов: Лондон с Музеем Виктории и Альберта, Париж с Большим дворцом, Малым дворцом и Дворцом открытий — все крупные города претерпели изменения благодаря таким грандиозным выставкам. Они проводились в городах для ускорения событий, которые так или иначе должны были произойти, но выставки ускоряли этот процесс и преобразили города, сделав их крупными культурными столицами.

Кроме того, благодаря этим выставкам проявилось культурное многообразие городов. Если говорить об истории музыки, то на ноты, которые мы видим сегодня, во многом повлияли оркестры с Дальнего Востока, например, с Явы. Мы видим это в истории выставок, мы видим влияние этих крупных событий на всю архитектуру, на каждое культурное явление. Выставки изменяют облик городов, они являются частью генеральных планов их развития, они готовят город к будущему и создают культурную инфраструктуру, рождающую культурные инициативы и общность разных стран.

В прошлом за право проводить подобные выставки соперничали только столицы. Сегодня мы способствуем созданию нового феномена: города, не являющиеся столицами, пытаются выйти на мировую арену, создавая культурные проекты и инициативы, которые ранее отсутствовали. Мы видели, и я слышал в интересном выступлении моего соседа, другие возможности. Есть города, которые делают культуру своей монополией, и есть другие города, которые испытывают сложности в создании приличных музеев и театров, которые стали бы естественными платформами для развития их культуры. Я считаю, что с этой точки зрения мировые выставки становятся катализаторами развития культурных инфраструктур. Когда я говорю о культурных инфраструктурах, я имею в виду качество жизни. Это не только культура, это важный элемент качества жизни. Мы не можем ощутить городскую жизнь без мощного культурного развития.

Нужно найти необходимые ресурсы для подготовки городов к активной культурной жизни, а выставки могут предоставить такие ресурсы. Успешное проведение выставки может обеспечить городу наличие талантов, международных мероприятий и инвестиций, которые сложно получить иным образом в том же масштабе и на те же цели.

Могу привести в пример мой родной город. Севилья была темой многих опер: есть длинный список опер, действие которых происходит в Севилье, но до проведения выставки в городе не было оперного театра. Благодаря выставке люди узнали что у нас есть театральная публика. С момента открытия театр

полон каждый день, молодые люди стоят в длинных очередях на улице за билетами в оперу.

У нас есть пять городов-кандидатов на проведение выставки 2020 года. Энтузиазм очень велик. Одним из кандидатов является Екатеринбург с его сильной культурной основой. Если выставка пройдет там, Екатеринбург получит огромные преимущества в плане выхода на мировой уровень. Этот город отличается хорошим стратегическим положением между Азией и Европой. Создание имиджа города, выход на мировой уровень сделают этот город одной из культурных столиц одновременно западного и восточного мира. Благодарю за внимание.

О. Хархордин:

Хочу поблагодарить Владимира Мединского за то, что он поменял свое расписание. Организаторы сразу сказали мне, что неотложные правительственные дела заставляют его уйти с панели раньше, но он попросил меня дать ему выступить последним, чтобы он мог услышать всех участников.

Итак, выступление министра культуры.

Я напомним первый вопрос, с которого мы начали нашу панель. Есть ли в нашей стране возможности существования глобальных культурных столиц, кроме Москвы и Петербурга? Может быть, и эти два города в чем-то не дотягивают до уровня глобальных культурных столиц? Владимир Мединский, пожалуйста.

В. Мединский:

Спасибо. Я буду краток. Мне гораздо интереснее послушать специалистов, чем высказаться самому. Есть несколько минут, и я озвучу некоторые наши инициативы, которые мы выносим на публичное обсуждение. Министерство занимается не только софинансированием конкретных государственных

проектов, не только реставрацией, но и влияет на установление правил игры для успешного саморазвития культурной отрасли.

В первую очередь, это — изменения в области налогов. Мы предлагаем отменить для музеев НДС на ввоз культурных ценностей и налог на прибыль, который не взимается с учреждений культуры, учреждений образования и здравоохранения.

Спасибо. Мы считаем, что нужно изменить подход к земельному налогу. Этот налог не взимается, мне кажется, только с учреждений, занимающихся народными промыслами, — может быть, Алексей Леонидович поправит меня. Мне непонятно, чем земли этих учреждений отличаются от земель, занимаемых другими государственными учреждениями культуры. Льготы по этому налогу тоже нужны, как и в части налога на имущество, от которого сейчас освобождены только федеральные памятники. Так, Алексей Леонидович?

А. Кудрин:

Налог на землю и налог на имущество — это налоги уровня субъекта федерации, ставки по ним принимаются субъектом. Только Законодательное собрание Петербурга может предоставить льготы для петербургских учреждений, оно может убрать налог или, наоборот, сделать его максимальным. Этот вопрос не решается на федеральном уровне Государственной Думой.

В. Мединский:

Это, безусловно, так, но мы должны сформулировать политический подход в этом отношении. Мне непонятен смысл перекладывания государственных денег из правого кармана в левый с традиционной потерей по дороге.

Это касается и целого ряда других инноваций. Например, есть серьезные проблемы страхования музейных ценностей при их перевозке, особенно при экспонировании за рубежом.

Мы с удовольствием обсудим предложения в отношении новых форм и возможного изменения законодательства в области государственно-частного партнерства. Рассматривать бюджет как 100%-го инвестора в отношении объектов культуры, мне кажется, неправильно: необходимо активно создавать условия для максимального привлечения бизнеса, меценатов, спонсоров. Мы живем в реальном мире и понимаем, что нужно сформулировать правила, чтобы не создать лазейку для очередной «серой» схемы, желающие воспользоваться которой тут же найдутся в случае списания этих затрат на себестоимость. Я приглашаю Михаила Прохорова с его наработками к сотрудничеству в этой сфере.

Существует множество инноваций. В ряде стран людей творческих профессий льготируют по подоходному налогу в тех секторах экономики, где это требуется. Нужно смотреть на это внимательно. Я вижу нашу главную миссию в том, чтобы активно создавать условия для саморазвития культурных территорий, для саморазвития новых глобальных столиц. Государство не сможет смотреть за каждым: 837 тысяч человек работают в отрасли культуры только в государственном секторе, это огромная армия. Более активное, взаимовыгодное вовлечение всех граждан в развитие сферы культуры, мне кажется, может дать качественный прорыв.

Я поддерживаю коллегу Сокурова в этом отношении. Россия — это не только Москва и Санкт-Петербург. Эти два города — наша гордость, но Россия гораздо больше.

Что касается «Ленфильма», то я обещаю в воскресенье к Вам приехать. Вс спасибо.

Из зала:

В отношении создания закона о частно-государственном партнерстве: есть закон Санкт-Петербурга в этой сфере, уже отработанный. Можно взять его за основу для создания Федерального закона, внести изменения, отфильтровать, отредактировать.

В. Мединский:

Спасибо. Предложение уже поступило, да.

О. Хархордин:

Мы переходим к вопросам из зала. Прежде чем дать эту возможность, я хочу задать вопрос всем участникам панели. Я понял, что это одна из первых панелей по экономике культуры или по проблемам культуры. Я присутствую на пятом Форуме подряд, и каждый раз проходят по четыре панели по энергетике и по нефти, а про культуру, как заметил Михаил Борисович, вспомнили впервые за пять лет.

М. Пиотровский:

В Петербурге впервые, а в Давосе есть несколько круглых столов по культуре.

О. Хархордин:

В Давосе есть, там знают, что экспортировать. Может сложиться впечатление, что хребет нашей национальной идентичности — это газопровод, а не те люди, которые сидят на этой сцене.

Вопрос такой: как вы думаете, насколько культура должна превалировать в нашей экспортной стратегии над постоянно подчеркиваемыми энергоносителями?

М. Прохоров:

По-моему, здесь все очень просто. Целостность страны обеспечивают не пушки, не танки, не газ, не нефть, а только культура. Если культура в стране развивается, тогда можно защитить территорию. Если у нас культура не развивается, то никакие пушки и танки эту территорию защитить не смогут. Как сказал один из мудрых: «Те, кто от нас ушли, живут с нами только благодаря культуре». Этим все сказано.

О. Хархордин:

Спасибо. Если желающих ответить на этот вопрос на панели больше нет, тогда посмотрим, что предлагает нам зал. Кто хочет задать вопрос?

О. ван Виндон:

Здравствуйте! Меня зовут Олаф, я являюсь директором Нидерландского института медиа-арта. Я организую фестивали в разных странах мира. Я являюсь куратором Сеульской биеннале, поэтому работал во многих крупных культурных столицах мира. Приятно слышать положительные отзывы о том, что культура используется в качестве важного инструмента для создания культурных столиц. Однако меня удивляет такая позитивная тенденция, потому что существует своего рода парадокс. Я вижу, как правительства всё больше урезают финансирование культуры, и не только в Западной Европе. Я думаю, что это — глобальная проблема. Есть ли у вас ответ на этот вопрос? И какова ситуация с этим в России?

О. Хархордин:

Валерий, пожалуйста!

В. Гергиев:

Мой ответ на Ваш вопрос станет продолжением того, о чем только что говорил Михаил. Мы постоянно выступаем во многих странах. Михаил Пиотровский тоже связан крупными проектами со многими мировыми столицами. Глобальное присутствие Эрмитажа чувствуется и в Америке, и в Амстердаме, думаю — и в Азии.

Россия в меньшей степени зависит от тех факторов, от которых зависит Европа, и Европа в меньшей степени зависит от тех факторов, от которых зависит Россия. Если газопровод сегодня «похудеет», через полгода у Владимира Мединского возникнут новые вопросы не только с тем, что делать

миллионам работников культуры, а с тем, как сохранить хотя бы тот уровень, которого мы достигли за последние десять лет. Россия стоит перед огромной дилеммой, о которой все знают: как уйти от зависимости от цен на газ и нефть, при этом приоритетами номер один и даже номер два сделать образование и культуру.

Я говорю о культуре, совсем не думая о шоу-бизнесе. Путают одно с другим в России очень часто. Все любят яркое, красивое шоу, в этом ничего плохого нет: шоу-бизнес — меткое попадание в цель. Я предлагал телецентру не светить больше. Елка светится один раз в году, телебашня светится 365 дней. Шоу-бизнес — это принципиальное зарабатывание денег, при этом танцуют, поют, светят, оформляют, разрабатывают дизайн, все это важно. Мне кажется, что зависимость России от цен на газ и нефть будет ослабевать, это станет очередным уроком истории, который мы будем учить. Если цена на нефть пойдет вниз (судя по всему, это может произойти), то научимся ли мы не кидаться сразу в крайность — резать по культуре? Это огромный вопрос. Надеюсь, этого никогда не произойдет. Уверен, что новое Правительство будет тщательно продумывать каждый шаг в этом направлении.

Еще одна проблема, о которой нужно говорить, информация к размышлению для всех нас: наши обязанности совершенно не определены. Сколько раз в год нам выступать — 900 или 200? Сколько раз проводить выставки — два или 22 раза в год? У коллектива Мариинского театра есть вопросы, есть проблемы, есть недостатки, но мы выступаем минимум 760 раз в год, из которых почти 550 в Петербурге, а на остальные 30—40 стран приходится 200 с чем-то выступлений. Хорошо это или плохо? Я начинаю все больше думать, что это плохо. При таком же финансировании, или даже более незначительном финансировании, чем финансирование других коллег, почему бы не дать коллективу отдохнуть, не дать людям поработать 100 раз в год, предоставить им возможность проводить четыре дня в неделю с детьми? Тут много нерешенных вопросов.

Я думаю, в числе проблем, с которыми столкнулась Европа, есть еще и та, что нормы, которые там установлены, определялись в очень сытые годы. Сегодня с этим сталкиваются очень многие из наших коллег. Стоит сказать, что даже театр La Scala, символ Италии, не наращивает, а сокращает поддержку. Это звучит для итальянцев страшно: считалось, что это едва ли не первый театр мира, потому что итальянская опера всегда была в лидерах. Задолго до того, как у нас появилась опера, она была традиционным искусством Италии. Тут есть о чем подумать.

Я надеюсь, что частично ответил на Ваш вопрос: мы должны быть готовы к тому, что нам придется учить этот урок истории, а мы пока не думаем, что нам придется это проходить. Я призываю всех к этому. Культура — это и первый, и второй приоритет.

О. Хархордин:

Алексей Кудрин хотел добавить что-то.

А. Кудрин:

Был конкретный вопрос, который мы сегодня обсуждали на одной из секций. Я бы сказал, что тот долговой кризис, который сегодня охватил западный мир, означает, что последние 20 лет ведущие страны обеспечили свои социальные расходы, прежде всего государственные расходы, выше, чем они могли себе позволить. США вышли на кризис, предельный для своей экономики, то же самое касается всех основных государств. Эти страны, ведущие страны, жили в долг. Сегодня этот долг пришел к критической черте: это означает, что этим странам не доверяют, им не дают денег, позволяющих жить так дальше.

Мы будем иметь перестройку всей системы социальной и государственной политики в этих отраслях в ближайшие годы. Она пропорционально затронет и сферу культуры. Я говорю про другие страны. К сожалению, там будут сокращены расходы. Я хотел бы, чтобы больше были сокращены военные расходы, на втором месте — субсидии промышленным предприятиям и

экономике, которые мешают конкуренции, создают государственные предпочтения в отдельных отраслях, и чтобы в меньшей степени сокращались расходы на дороги, и самое маленькое сокращение затронуло бы образование и культуру. Сумеют ли западные государства провести такой маневр, чтобы образование, здравоохранение и культура меньше теряли, будет зависеть от политики этих государств.

В нашей стране ситуация пока другая, она ближе к той, о которой сказал Валерий. Нам придется учить этот урок. Я по памяти скажу, что в 2000 году, когда я стал министром, федеральный бюджет на культуру имел примерно восемь—десять миллиардов рублей на всю страну. Сегодня это 100 миллиардов. За десять лет увеличение в десять раз. Больше ни одна позиция бюджета не выросла в десять раз. Это звучит необычно, но последний штрих я внес, когда уходил, когда готовил бюджет 2012 года. Ста миллиардов раньше не было, в предыдущем году было поменьше. Это высокая планка, которую, признаюсь, очень трудно удержать, если цена на нефть пойдет вниз: все, что здесь было сказано, справедливо.

Кстати, структура расходов на отрасли культуры тоже желает быть лучшей. В структуре преобладают коммунальные платежи, средства на ремонт памятников, содержание зданий, а не тот контент, который мы непосредственно относим к культуре. Понятно, что здания для библиотек и прочих учреждений тоже нужны, но там минимум новых проектов, новых постановок. Мы знаем, что над нами всегда довлеют неотреставрированные памятники истории, мы мимо них проезжаем, они в обветшалом состоянии, очень много памятников в течение каждого года мы теряем в связи с тем, что мы не смогли их отреставрировать. Поэтому значительная часть средств стала уходить на эти вещи. Непосредственно на производство смысла в этой структуре дается мало.

Спасибо.

О. Хархордин:

Спасибо. Сергей Капков.

С. Капков:

Я продолжу Алексея Кудрина. Финансирование культуры в Москве выросло на сегодняшний момент. Ежегодный бюджет на наши учреждения культуры — 34 миллиарда рублей, и 12 миллиардов рублей — наша программа на реконструкцию общественных пространств: парков, бульваров, символов города. Вопрос в том, что плохо выработаны стандарты финансирования. Предположим, бюджет всей театрально-концертной отрасли — 11 миллиардов, из которых восемь миллиардов рублей — фонд заработной платы 15 тысяч артистов, которые находятся в штатах и структурах театров.

При двадцатилетнем феодальном мышлении прошлого мэра создано огромное количество театров, зачастую очень своеобразных, не имеющих своего здания, не понимающих своей миссии. Мы просто платим им деньги, не получая ничего взамен. Мы сейчас меняем стандарты финансирования, формулируем другое государственное задание, чтобы любой творческий коллектив понимал, чего ждет от него город и на что коллектив может рассчитывать от города.

Согласно нашей статистике, любое учреждение культуры Москвы около 30% от бюджета зарабатывает в форме продажи билетов и дополнительных услуг, так как это богатый город. Думаю, что если наладить всю систему финансирования и отчетности, то эта цифра вырастет до 50%. Мы хотим уйти от старой советской формы управления учреждениями, а прийти к форме управления культурой через деньги, о чем говорит Алексей Леонидович. Нужно давать деньги не только на поддержание зданий, но и на создание новых постановок, новых выставок и новых культурных смыслов. Нужно не только поддерживать государственные учреждения, а создавать условия, чтобы в культурной жизни могли участвовать и другие организации, которые не носят статус городских, федеральных, а могут быть частными или индивидуальными. Спасибо.

О. Хархордин:

Давайте возьмем еще один вопрос.

К. Быков:

Кирилл Быков, Европейский университет.

Вопрос к Михаилу Борисовичу. Известно, что среди крупнейших мировых компаний, которые поддерживают Эрмитаж, есть Japan Tobacco International. Как Вы относитесь к инициативе Минздрава запретить благотворительность и спонсорство табачным компаниям, или разрешить только анонимно?

М. Пиотровский:

Я отношусь к этому резко отрицательно, я это выразил в письменном виде, написал в Минздрав. В нашей стране существуют сложности с меценатством и поощрением меценатов. Табачная компания... вещи меняются и времена меняются. Есть военные компании, вокруг много компаний, которые через некоторое время будут считаться не очень гуманитарными, гуманными. Думая о культуре, мы не должны ничего запрещать: наоборот, мы должны поддерживать все фирмы, которые готовы участвовать в культурной жизни. Безусловно, это реклама, но реклама минимальная. Мало кто узнает, что этот логотип связан с табаком.

О. Хархордин:

У нас есть время еще на два вопроса и два ответа, но по минуте на вопрос и на ответ.

М. Орджоникидзе:

Я представляю Правительство Санкт-Петербурга. Хотела бы сделать Вам замечание. Извините, господин Капков, Вы, наверное, этого и ждали. Мы здесь говорим о культуре и даем характеристики бывшим руководителям в зале, где

присутствуют люди из всех стран. Наверное, с нашей стороны это несколько неэтично, поскольку мы все-таки обсуждаем вопрос культуры. Это мое Вам замечание. Думаю, что каждый из вас со мной согласится.

С. Капков:

Позвольте мне ответить на это замечание. Коллеги, у меня 917 учреждений культуры, из которых 117 не имеют своей площади и не несут никакого культурного смысла. Предположим, театр Евгения Петросяна, который создал Юрий Лужков и который обходится бюджету города в 60 миллионов рублей. Это всё уважаемые люди. Театр Надежды Бабкиной, который обходится в 160 миллионов рублей. Для примера, Рождественский фестиваль, который маэстро Гергиев проводит в Москве, тоже обходится в 60 миллионов рублей, но это 152 концерта. Я содержу огромное количество... не я, а бюджет города и москвичи содержат огромное количество учреждений, не имея ничего, даже одного концерта. Хор Турецкого и огромное количество, 139 таких учреждений.

М. Орджоникидзе:

Скажем, не у вас, а у Правительства Москвы.

С. Капков:

Не у меня и даже не у Правительства Москвы: каждый москвич платит за то, чтобы Юрий Лужков даже не раздал этим людям помещения, а просто назвал городским театром, юридическим театром. Это объем катастрофы, деньги, заработанные другими москвичами, просто уничтожаются, это очень заметная проблема в Москве.

О. Хархордин:

Остался последний вопрос из зала, пожалуйста.

П. Зажигалов:

Павел Зажигалов, председатель Комиссии по культуре Общественной палаты и новый председатель ВООПиКа, Общества охраны памятников.

Я хочу задать вопрос Александру Николаевичу как моему товарищу и другу по защите памятников. Если рубят вишневый сад, то надо кричать. Ничего страшного, лучше перебдеть, чем недобдеть, а то и Фирса забудут, и сад срубят, в этом я господина Капкова поддерживаю.

Второй момент. Что делать, Александр Николаевич? Если помните, мы с Вами и Михаилом Борисовичем давали пресс-конференцию по «Охта центру» в самый острый период. Больше никто из деятелей культуры нас не поддержал. ОМОН на улице, камеры, выступления против строительства «Охта центра». Слава Богу, мы победили общими усилиями с «Живым городом», ВООПИиКом и так далее. Сегодня шесть тысяч гектаров старинного Радонежа вывели под коттеджное строительство. Пять человек приехали, нам угрожали физически. Бородино: слава Богу, пять исков о сносе домов. Пушкинские Горы: два года Василевич сидел в СИЗО, фактически довели до инфаркта этого потрясающего человека. Все ландшафты Пушкинских Гор были отведены под коттеджные поселки. Вы знаете, реагируют на это десять, максимум сто человек. Вы знаете, в чем вопрос? Как Вы считаете, когда в этих городах выйдут миллионы? Когда нас будет не пять, не десять? Сегодня ломают «Детский мир», перестраивается «Динамо», это все происходит на наших глазах. В этом беззаконии, уничтожении памятников, к сожалению, участвуют единицы. И мне кажется, что культура городов во многом еще определяется культурой жителей, способных выйти на улицу для защиты святыни города от покушений. Что делать?

О. Хархордин:

Вопрос, известный в русской культуре. Александр Николаевич, Ваш ответ.

А. Сокуров:

Очень сложный и тяжелый вопрос. Несколько дней назад мы, группа граждан города, оказавшись уже перед стеной, в очередной раз обратились к Президенту, отправили ему письмо об абсолютно нетерпимой ситуации, которая сложилась у нас городе. Сносы исторических памятников продолжают, их даже стало больше. Переговорный процесс обсуждения каждого объекта, который существовал при губернаторе Матвиенко, к сожалению, сегодня не продолжается. Таинственные мотивировки, участие службы безопасности, участие непонятных мужчин в погонах, все процессы по градостроительству становятся абсолютно скрытыми, их не расшифровать, не найти концов, откуда исходит разрешение, невозможно остановить разрушение памятника, даже обращаясь к губернатору, который говорит прямо: «У меня нет современных инструментов для того, чтобы остановить разрушение памятника». И где? В Петербурге.

Вы правильно говорите: что нам остается? Как в Москве, выводить сотни тысяч людей на улицу? Потом опять разойтись по тюрьмам, по лагерям? К кому еще обращаться, к Господу Богу? К Президенту все время обращались, к премьер-министру все время обращались. Что еще делать? Мы уперлись в стенку. Все возможные легальные формы, все формы, разрешенные законом, исчерпаны.

Наши почетные граждане ничего не делают, наши градозащитные организации ничего не могут, потому что они всегда упираются в границы нарушения законов. Всё, мы исчерпали абсолютно все возможности. И даже наш ГИОП не может ничего сделать, потому что в городе существует то ли теневое правительство, то ли колоссальное мафиозное лобби, не найти ни начала, ни конца. Даже обращение к прокурору уже не имеет никакого значения и никакой силы. Я сейчас говорю: что нам делать? Будем думать, что делать, ситуация нетерпимая.

Мы здесь, в Петербурге, как-то сопротивляемся; я знаю, что в Москве есть силы сопротивления. Люди ничего не могут сделать ни в Екатеринбурге, ни в Нижнем Новгороде, ни в Астрахани, ни в Архангельске, нигде. Руки связаны то

ли абсурдными законами, то ли глобальной мафиозностью государственных и правоохранительных структур. Абсолютной глобальной мафиозностью. Она и есть один из результатов глобализации, которая сейчас существует не только в экономике, но уже переходит и в государственное строительство, в градостроительную политику. Тогда, когда все становится таким глобальным, глубина порока становится такой, что просто общественными усилиями, просто легальной гражданской деятельностью ее не пресечь.

О. Хархордин:

Мы уже вышли за рамки, к несчастью. Тема актуальная, мы могли бы обсуждать ее одну целый день, но у нас заканчивается панель. Михаил Борисович ее мужественно начинал, и я хотел бы дать ему ее закончить.

М. Пиотровский:

Я хотел бы вернуться к философской части нашего разговора, если можно. Что касается борьбы: боролись, бороться будем, и это характерная черта культурной столицы, какой является Петербург. Только надо помнить, что вывод людей на улицы в свое время ухудшил ситуацию с «Англетером», и его варварски реконструировали именно из-за того, что слишком много народу было на улицах. Так что тут надо действовать тоньше. Но дело не в этом.

Я всегда люблю спорить с Александром Николаевичем. Несколько слов о глобализации.

Первое. Глобализация — это ужас, но бороться с ней киданием камнями в стекла тоже невозможно. Глобализация — то же самое, как Интернет, который сам по себе тоже помойка и которому должен быть противопоставлен хороший культурный продукт. Глобализация дает возможность доступа к замечательным вещам. В Интернете, например, есть музейные сайты — это, я считаю, достижение всех музеев, создающее целую большую сферу. Благодаря техническим возможностям мы создаем вещи, которые доступны

всем в мире, и культурная глобализация хороша, потому что глобализация — это доступность, остальное — вопрос ее использования.

Еще одна большая важная вещь, связанная с глобальными столицами. Именно в столицах возникает и создается то, чего нет в мире, — диалог культур. Я не так много и не так давно езжу по миру, и на моих глазах изменились Амстердам и Лондон. Лондон стал замечательным городом, в котором не просто живут разные люди, это культурная столица многих народов мира. Британский музей работает, в нем находят свои святыни и приходят к ним люди, живущие не только в Лондоне: они приходят туда отовсюду. Это, действительно, живой диалог культур, который невозможен нигде, кроме как в таких больших столичных городах.

Это должно делаться, и это одна из возможностей развития Петербурга. Когда-то мы были самым большим финским городом, самым большим польским городом, крупным немецким городом, русским городом, одним из самых старых татарских городов, и сейчас это все сохраняется. Здесь есть то поле, где большие города могут работать. Мультикультурализм никуда не провалился, у него только другие названия, в том числе и старое название «дружба народов». В мегаполисе можно осуществлять взаимодействие культур, тогда это не будет мешать развитию других культурных столиц.

Я три дня назад приехал из Казани, там с нашим общим участием замечательно развивается особый культурный образ города, поучительный для всего мира. Спасибо.

О. Хархордин:

Спасибо. Давайте поаплодируем всем выступлениям на этой панели.

Мы продолжим размышления о культуре в рамках Санкт-Петербургского экономического форума в будущем году. Те, кого интересует наука, приходите завтра на одну из самых последних панелей. Мы будем обсуждать судьбы университетов и экспорта знаний. Вкратце могу высказать один из тезисов, пока вы встаете и уходите. В 19 веке Россия экспортировала оперу и балет, в

20 веке — военную мощь и связанную с ней физику и химию. Сейчас лаборатории развалились, и в 21 веке мы будем экспортировать общественные науки, не удивляйтесь. Спасибо.